



В. Б. ШКЛОВСКИЙ

За и против: Заметки о Достоевском

<Фрагменты>

<...>

Достоевский был не только мечтателем. Он был заговорщиком. Он верил, что можно переделать жизнь. Впоследствии он говорил, что петрашевцы верили в поддержку народа, и прибавлял: «...и имели основание, так как народ был крепостной».

Достоевский хотел поставить типографию: он верил в восстание и был на левом крыле петрашевцев.

Мы представляем себе обыкновенно Достоевского человеком религиозным. Сам Достоевский в письме к Фонвизиной писал о том, что он дитя своего века, дитя сомнений. На собрании у петрашевцев Достоевский читал вслух письмо Белинского к Гоголю. Письмо антирелигиозное. <...>

В чем особенность письма Белинского, который выступил против Гоголя?

Не столько в указании на глубокую отсталость русского строя, не столько в конкретных указаниях, что надо делать сейчас, немедленно, а в том, что Белинский первый начал говорить об атеистичности русского народа. Религиозность русского крестьянства считалась аксиомой.

Самодержавие держалось на православии, которое считалось выявлением народности, сущностью народа. Белинский выступил прямо против этого утверждения.

Мы знаем, что Достоевский спорил о религии с Белинским, мы знаем это главным образом по поздним высказываниям самого Достоевского. <...>

<...> Но спор не был так прост, как его впоследствии изображал сам Достоевский. По существу говоря, спор не был никогда окончен.

В момент связи с петрашевцами Достоевский говорил голосом Белинского. Но и впоследствии голос его не стал голосом верующего. <...>

Казалось бы, что минуты спокойствия есть и Достоевский пишет о них религиозному человеку. Вот как он кончает: «Мало того, если б

кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

Так писал Достоевский-солдат. Часть его желания исполнилась. Многим показалось, что он с Христом, и, может быть, он сам знал, что он именно поэтому и вне истины.

Само это противопоставление антирелигиозно.

<...>

Завещание Гоголя было хорошо прочтено Достоевским, и он знал, что оно вне истины.

Письмо Белинского при чтении Достоевским было принято на собрании восторженно.

Это было проповедью атеизма среди атеистов.

О религии у Петрашевского говорили часто и всегда отрицательно.

Особый восторг собравшихся, как на судебном следствии показал Дебу 2-й, вызвали те места письма Белинского, где он говорил об отсутствии религиозности в русском народе.

<...> Завещание, как и вся «Переписка», прямо противоречиво убеждениям Достоевского. <...>

В «Выбранных местах» Гоголь пытался выдвинуть примирение с действительностью на почве религии и признания крепостного права как системы патриархальных отношений между господином и мужиком. К делу привлекалась религия. Барин должен был показать крепостному месту в Священном писании, где утверждалось рабство, с тем чтобы мужик поцеловал порабощающие его слова.

Одновременно Гоголь указывал, каким тоном надо говорить с мужиком, и внушал хозяйственные истины.

Весь этот «Домострой» середины XIX века был осмеян Достоевским в «Селе Степанчикове».

<...>

Фома Опискин не просто ничтожество — это человек совершенно определенных взглядов, идеализирующий крепостное право.

Ю. Н. Тынянов в книге «Достоевский и Гоголь» доказал, что Фома Опискин является прямой пародией Достоевского на стилистику и идеологию Гоголя эпохи «Выбранных мест». Я отсылаю к книге Тынянова, где пародия доказана и исследована до конца.

Достоевский пошел на каторгу, протестуя против «Выбранных мест», и вернулся с каторги, продолжая бороться с этой же идеологией.

Здесь он долго ничего не изменял.

Изменение отношения к «Выбранным местам» произошло много позднее, причем это совпало с эпохой знаменитой речи о Пушкине. Достоевскому пришлось договаривать свои идеи. Его спросили, что ведь

существует не только Россия Онегина и Алеко, но и Россия Собакевича и Коробочки. Он ответил в раздражении напрямик, досказывая то самое, что говорил Гоголь.

Пока же мир ждал революции, революции близкой и революции социальной. В России ее ждали еще более горячо, чем во Франции. <...>

У Достоевского на каторге похолодело сердце. Будущее умерло. Остался срок. Осталось одно смирение, тем более страшное, что рядом он видел решительных людей, которые способны к революции.

Он видел их, считая, что революции не будет.

Он не знал, что именно теперь наступает борьба за социальную революцию, себя осознающую, что изменилось поле боя.

Тюрьма была полна обломками поражений. Те, кто могли быть союзниками, стали пленниками, не узнающими друг друга в тесноте, в деревянной тюрьме, за высоким частоколом.

<...>

То, что мы считаем идеологией Достоевского, всегда дается в романах в сопоставлениях и опровержениях.

То, что называется полифоничностью романов Достоевского, их многоголосность при отсутствии авторского решения вызвана тем, что противоречия действительности автором познаются, но решения этих противоречий автором не достигается.

Поэтому автор как бы прячется за своих героев.

В публицистической статье он прячется за цитату, с которой спорит.

Статьи, полные предположений, отступлений, самоопровержений. Тот мир, который стоял вокруг Достоевского каменными своими стенами, Федору Михайловичу не казался прочным. Он считал, что все изменится и изменение придет в революции.

Вот что написал об этом Достоевский через много лет после «Записок из подполья» — в «Подростке».

Говорит Версилов, но за Версиловым стоит сам Федор Михайлович:

«Начнется борьба, и после семидесяти семи поражений нищие уничтожат акционеров, отберут у них акции и сядут на их место, акционерами же, разумеется...»

Последняя часть фразы — это и есть отказ Достоевского от веры, он не отрицает победы будущего, но в сомнениях своих сейчас же превращает за в против». <...>

Спор *за и против* прошел через всю его жизнь.

Всякая работа о Федоре Михайловиче должна исходить из того, что человечество признало этого писателя. Нельзя оскорбить Достоевского, не оскорбив само человечество во многих его великих путях и намерениях, но путь Достоевского включает в себя и поиски компромиссов, давно отвергнутых историей.

Федор Михайлович считал, что он трезвый политик, а между тем в России горела земля, революция была возможна; иногда казалось, что она неизбежна. Федор Михайлович был в числе людей, которые не верили в эту неосуществившуюся явь.

Можем ли мы сказать, что он уже был реакционером и только реакционером?

<...>

Достоевщина состоит в сознании невозможности, неправильности существующего, в сознании каменной стены, стоящей поперек дороги, ощущении идеала и в сознании невозможности его достичь. Идеалы в большой мере остались прежними. Прежними остались и черты презрения к обычной жизни, но содержанием жизни стало выстаивание перед каменной стеной, это самоутоление собственным несчастьем, анализ неправильности своего положения.

<...>

Произошло так, что к подполью Достоевский пришел после того, как посмотрел на Запад. На Западе ясен был страх буржуа перед коммунизмом. Достоевский не поверил, что в этом страхе для мира есть надежда.

Он видел старый мир гибнущим, считал, что эта гибель близка. Впоследствии он это связывал для Запада с войной. Но будущего для Запада он не видел.

Для России он считал, что здесь старому не угрожает гибель, и хотел в старом увидеть новое, но это не приносило ему утешения.

Впоследствии Достоевский проповедовал, что надо идти со смиренными, с тихими, но он тихих видал. Они были похожи на Аким Акимыча.

Жажда нового осталась, но вера в новое исчезла.

Предстояла эпоха войн и революций. Старый мир был опровергнут, но ему предстояло не только долголетие, но долговечность. Ему суждено было прожить на Западе не меньше ста лет.

В русскую революцию Достоевский не верил, хотя многое в ней понимал и писал о ней непрестанно, непрестанно опровергая.

<...>

Для того чтобы победителем оказалась не революция, нужно было доказать, что сам народ не революционен.

История доказала, что сама историческая миссия России, та, о которой говорил Достоевский, основана на революционности всего народа. Достоевский это и знал и не хотел знать. <...>

Спокойствия не было.

Речь около пушкинского бюста была попыткой вырвать спокойствие.

Положительной программы у Достоевского не было. <...>

Кладбище Александро-Невской лавры — место спокойное, почетное и благонадежное.

Так решила Анна Григорьевна, которую, вероятно, надоумили.

<...>

Н. Страхов и О. Миллер на время превратили Ф. Достоевского в праведника своего толка.

Все концы, которых при жизни не мог свести Достоевский, были спрятаны в могилу, засыпаны цветами и глиной и прикрыты гранитным памятником.

Так умер Достоевский, ничего не решив, избегая развязок и не примирившись со стеной.

Он видел угнетенного человека, извращенные страсти, предчувствовал приближение конца старого мира и мечтал о золотом веке и сбился в мечте.

Вера в гордость человека, в его золотой век не обманула, революция показала, что человеческое сердце может жить только правдой, а не смирением.

Во имя звезд и золотого века, металл для которого мы добываем и куюм, продолжаем путь по звездам.

Плывет в небе Большая Медведица...

...сквозь небо потопа

ковчегом ковшом!

(В. Маяковский. «Про это»)

За потопом горя близок золотой век мира.

Время понять Достоевского: разбить цепь, сковывающую живого Достоевского с отвергнутыми мертвецами.

